

Вадим РОССМАН

МЫСЛЬ о родстве учения Конфуция и этико-политических взглядов Солженицына принадлежит Виталию Рубину, известному синологу и видному участнику правозащитного движения в СССР 70-х годов. К сожалению, эту мысль он не успел реализовать в статье. Мои размышления по этому поводу — попытка реализации его замысла.

Примерно в одно и то же время в двух крупнейших социалистических империях разразились две кампании, казалось бы, совершенно различные по духу. В КНР это была шумная политическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», в ходе которой (1972—1975) всячески поносились взгляды философа, жившего более двух тысячелетий назад. Эмоциональность и накал ее вряд ли были особенно понятны западным наблюдателям: на европейцев она произвела впечатление чего-то совершенно нелепого (трудно себе представить, чтобы, например, в Италии на общенациональном уровне стали вдруг с пеной у рта критиковать Сенеку). Подоплека такого обостренного внимания к древнему философу было традиционное в истории китайской идеологии противостояние конфуцианства, ставившего мораль над политикой, и тоталитарной идеологии легизма, выводившего политику за пределы всякой морали. Примерно в это же время в Советском Союзе шла травля и повсеместное охаивание Александра Солженицына, инакомыслящего писателя и диссидента. Вполне понятный конфликт интеллигента и тоталитарной власти.

Симметричность этих кампаний наталкивает на мысль о более глубоком родстве двух концепций. Сравнение стимулирует и последняя статья А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?» Во многом она напоминает проект «обустройства» Поднебесной, предлагавшийся в свое время Конфуцием.

ПРЕЖДЕ всего бросаются в глаза патриархальный характер доктрин обоих проповедников, обращенность их к прошлому: временам «гуманного правления» легендарных императоров Яо и Шуня, приведших Поднебесную к гармонии и порядку (в случае Конфуция), и к старой до-революционной России, «богатой и цветущей стране», как ее аттестует Солженицын, где «спокойное сожитие наций», их «дремотное неразличение» и неколебимость норм традиционной православной морали рождали высшую гармонию. Как Конфуций, так и Солженицын видят современный им мир пребывающим в состоянии хаоса и смуты, настоятельно требующим «лечения», «обустройства». Оба призывают к «нашему тысячелетнему прошлому», «духу наших предков», мудрое и гуманное устройство жизни которых заслуживает одобрения и подражания. Оба достаточно вольно обращаются с историей, прежде всего усматривая (или конструируя) ее моральный смысл. (История призвана не столько давать объект, описание событий, сколько вершить справедливый суд). Как Конфуций, так и Солженицын с предубеждением относятся к инновациям, преходящей моде, оценивая большинство современных им политиков как крикунов и демагогов, во всем ориентируясь на высокую культуру, традицию, «лишь передавая ее» и не создавая ничего принципиально нового.

Их рецепт «обустройства» ориентирован прежде всего на мораль, которая для них имеет несомненный приоритет перед правом и политикой. Не очень высоко оценивая «абстрактные» принципы правозащитности и законы сами по себе (без животворящей и одухотворяющей морали), Солженицын делает акцент на воспитание народа благотворным примером, а не на право, ибо «общество необузданных прав не может устоять в испытаниях». По этому поводу в «Беседах и суждениях» Конфуция сказано: «Если управлять при помощи административных мер и устанавливать порядок при помощи наказаний, то народ будет пытаться избежать их, не чувствуя при этом стыда. Но если управлять при помощи добродетели и уста-

РАЗМЫШЛЕНИЯ МОЛОДОГО ФИЛОСОФА, ВЫЗВАННЫЕ НАШУМЕВШЕЙ СТАТЬЕЙ «КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?»

навливать порядок при помощи правил благоустройства, у народа появится чувство стыда, и он исправится». У А. Солженицына встречаем следующую формулировку: «Чистая атмосфера общества, улы, не может быть создана юридическими законами».

Политика также немаловажна без морали, вторична по отношению к ней. «При людском благоразумии», пишет Солженицын, «допустим любой добродетельный строй, при людском озлоблении и шкурничестве — невыносима самая развратная демократия». Материальные потребности — не самое главное. Главное — насытить народ духовно: «Источники силы и бессилия общества — духовный уровень жизни, а уж потом — уровень промышленности». Как сказано у Конфуция: «Когда не ведают далеких дум, то не избежат близких огорчений». «С гнилым душком дерево не стоит», — говорит Солженицын. «На гнилом дереве не вырешешь резьбы», — учит Конфуций.

И Конфуций, и Солженицын ратуют за самоограничение человека: «свобода хватать и насыщаться», — пишет Солженицын, — есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Антиматериализм и самоограничение — характерные черты благородного мужа у Конфуция. Как говорит один из последователей Конфуция Сюнь-цзы, «неупорядоченная реализация желаний приводит к смуте». Акцент на самоограничении вообще весьма характерен для культур с морально-экономической мотивацией поведения (термин Джеймса Скотта), с их пред-

почтением гармонии, мира и порядка риска борьбы и конфликта. Это сквозная, доведенная до маниакальности в советском обществоведении мысль о воспитании «разумных потребителей», противопоставление изобилия достатку у В. Распутина.

Общество должно быть единым. Его идеальная модель — семья, в которой старшие заботятся о младших. Члены государства-семьи объединены не формальными узми законов, а родственными чувствами, общими целями, общей верой, гуманностью. Отношения вышних, подбор которых ведется, исходя из моральных качеств и возраста, и низших должны быть доверительными. Поэтому никакие вообще партии не нужны. «Партия» — значит часть. Разделиться нам на партии — значит разделить на части. Партия как часть народа — кому же противостоит? Очевидно — остальному народу, не пошедшему за ней. Каждая партия старается прежде всего не для всей нации, а для себя и своих... Принцип партийности уже подавляет личность и роль ее, всякая партия есть упрощение и огрубление личности. Подобную мысль мы находим и у китайского мудреца. В до-революционном переводе П. С. Попова она звучит буквально так: «Философ сказал: Благородный муж заботится об общих, а не о партийных интересах (пьяндал), а низкий человек, наоборот, заботится о партийных, а не об общих интересах». Как сказано в комментарии, «благородный муж универсален, низкий человек партийен».

Отсюда — особое внимание семье, ибо ее болезнь — «становая болезнь

для государства». «Обустройство» общества и освобождение его от зла происходит поэтапно: сначала человек «обустроивается» сам, очищая самого себя в твердой решимости ни в чем и никогда не поддерживать ложь и насилие сознательно, своей собственной волей, затем «обустроивает» семью, которая есть, по Солженицыну, «основное звено спасения нашего общества», и только затем переходит к государству. Таков же процесс гармонизации Поднебесной в классическом отрывке из «Великого Учения» («Да-сюэ»), входящего в конфуцианское «Четверокнижие»: «В древности желавшие высветлить светлую благодать в Поднебесной предварительно упорядочивали свое государство, желавшие упорядочить свое государство предварительно выравнивали свою семью, желавшие выравнять свою семью предварительно усовершенствовали свою личность, желавшие усовершенствовать свою личность предварительно выправляли свое сердце».

Чтобы выправить свое сердце, необходимо достичь искренности, очищения — «жить не по лжи». В противостоянии тирании достойный, по Солженицыну, избирает путь внутренней свободы: личное неучастие во лжи. «Пусть ложь все покрывает, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!» При этом кто-то будет вынужден лишиться работы, уйти из общественной жизни, от всякого сотрудничества с режимом — любой ценой нельзя принимать участия во зле. Этому созвучна формула отношения к власти благородного мужа у Конфуция: «Когда Путь царит в Поднебесной, прояв-

ляй себя, когда он в ущербе, скрывайся. Когда Путь господствует в твоём царстве, считай для себя позором быть незаметным и нуждающимся, когда Путь не господствует в твоей стране, считай для себя неприличным быть богатым и уважаемым». Руки человека должны быть чистыми.

КАК известно, для Конфуция весьма характерна дихотомия «китайцы — варвары», которая соответствует оппозиции «центр — периферия». Исходя из нее, традиционно строилась внешняя политика «Срединной империи». Варвары — это те, кто не знает китайского ритуала и этических норм (в той формулировке, в которой они известны ханьцам). В рамках конфуцианской доктрины сосуществовали и чередовались два отношения к «варварам»: преобразование, «цивилизация» и изоляция от них.

Первый подход исходит из того, что «варвары», предоставленные самим себе, приходят в состояние совершенного хаоса и неустойчивости, становятся опасны для Китая, могут напасть на него. Поэтому Китай не может оставить их «на произвол судьбы». Но даже наведение порядка в собственной стране, мыслившееся как тотальное миро- и социустроение, означает изливание и распространение благотворной силы «дэ» (благодати) на соседние народы и страны.

Второй подход предполагает, что, поскольку у «варваров» совершенно другие язык, нравы и обычаи, поскольку им неведомы настоящие нормы поведения, то нет фундамента, на котором можно было бы строить прочное единение. В случае же, если они

сами пожелают приобщиться к нравственности и придут с данью, их не следует отвергать и надо принять по всем правилам.

В некоторых моментах подход Солженицына к национальным проблемам близок конфуцианскому. По его мнению, отношение русских к другим народам Советского Союза должно строиться по примерно такой же схеме. В отношении двенадцати неславянских республик Солженицын руководствуется принципом изоляционизма, настаивая на необходимости отделения: «все уже видят, что вместе нам не жить. Так не тянуть взаимное обременение». Этот подход соответствует афоризму Конфуция: «Когда пути не одинаковы, не составляют вместе планов». В отношении славянских республик и малых народов и народностей России Солженицын считает необходимым сохранить единство. Россию, Украину и Белоруссию объединяют общая история, культура, православная мораль. «Мы не гонимся за тем, чтобы наше государство было многонародным» — такова неизбежность. Малым народам существовать отдельно обременительно и невыгодно. «В примыкании» к России они нуждаются больше. До революции одни из них «отличались верностью российскому трону», другие просто «благополучно жили». Сейчас многие из малых народов вымирают, и Россия должна «подкрепить, оживить и спасти их».

Перспектива грядущей «солженизации» России (тезис Ю. Корякина) ставит ряд вопросов, касающихся квалификации взглядов писателя, их места в духовной истории. Проведенное сопоставление показывает, что позиция А. Солженицына тесно связана с традиционным сознанием, уходит своими корнями в глубокое прошлое.

Близость учения Конфуция взглядам Солженицына — не случайное духовное созвучие, объяснимое лишь сходством их характеров. Это знак глубинного родства, близости традиционных сознаний, сколь угодно далеко отстоящих друг от друга в пространстве и времени. То, что в наибольшей степени объединяет эти харизматические фигуры китайской и русской истории, — это панморализм, приоритет морали в решении всех вопросов: экономических, политических, правовых, исторических, даже научных и художественно-эстетических. Для России и Китая такой приоритет — явление традиционное. И нет ничего удивительного в том, что выразителями этого сознания стали писатели и философы: в России наибольшее влияние на людей всегда оказывала литература, в Китае — философия.

СОЛЖЕНИЦЫН, безусловно, не сводим к традиционализму (в данной статье мы рассматриваем только этот аспект). Для России Солженицын — фигура символическая. Пафос проповеди Солженицына, в которую напряженно вслушивается Россия, его личная привлекательность как человека, в одиночку противостоявшего целому государственному Левиафану и не сломенному всеми кругами ада сталинского ГУЛАГа, через которые ему суждено было пройти, подкупающая бескомпромиссность в борьбе со злом и несомненное художественное дарование не должны заслонять сущности его проекта, проекта панморалистического.

Конфуциев проект стал судьбоносным для истории «Срединного государства». Но став официальной идеологией императорского Китая, он перестал быть Конфуциевым, превратившись в конфуцианский. Видимо, такова судьба всех проектов, для которых моральные ценности — почти единственный критерий оценки и способ понимания истории. Каждая подлинно великая культура создает учение, стремящееся поднять человека над самим собой, на высший уровень, доступный лишь избранным. Когда такое учение становится в центр культуры (например, христианство, конфуцианство), его принятие оказывается обязательным для всех людей. Но большинство не в состоянии следовать ему. Так учение превращается в «идеологию» в марксовском смысле этого слова, ибо нравственный идеализм не может быть достоянием масс. Лишь отдельная личность может взять на себя всю полноту моральной ответственности.